

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 44 (3700)

Четверг, 11 апреля 1957 г.

Цена 40 коп.

Солнце нашей дружбы

Мне вспоминается 1943 год. Советская Армия наносила сокрушительные удары по гитлеровским войскам. Сообщения Московского радио о военных действиях на фронте вдохновляли наш народ в борьбе против оккупантов и предателей родины, вселяли в его сердце смелость, отвагу, веру в свои силы. Молодому партизану, шестнадцатилетнему юноше Черему Ахмети было поручено нести эти вести населению. И вот враги обнаружили его. Патриот принял бой. Он сражался до последнего, пока вражеская пуля не оборвала его жизнь. Кровью юноши пропитала спрятанные на груди листовки с вестями из Москвы.

В те дни мы не раз вспоминали 1939 год, когда многие империалистические державы поддержали фашистских воинов Муссолини, оккупировавших нашу родину. Только Советский Союз заявил тогда перед лицом всего мира, что он не признает фашистскую оккупацию Албании. Мы вспоминали Заявление Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР, в котором говорилось: «Советское Правительство уверено, что борьба албанского народа за свою независимость сольется с освободительной борьбой других угнетаемых итало-германскими оккупантами балканских народов, которые в союзе со всеми свободолюбивыми странами возьмут захваченное со своей земли. Вопрос о будущем государственном строе Албании является ее внутренним делом и должен быть решен самим албанским народом».

Мы хорошо помним и 1945—1947 годы, когда в Париже, в различных заседаниях ООН, когда советские государственные деятели защищали права молодого албанского государства, высоко оценивали вклад, внесенный нашим народом в «общее дело союзных государств в борьбе против Германии Гитлера, против Италии Муссолини».

...И вот пора мирного труда пришла на древнюю землю Албании. Вновь мы неизменно чувствуем дружескую руку поддержки советских братьев. Гидроэлектростанция имени Ленина, текстильный комбинат имени Сталина, хлопкоочистительные фабрики, деревообрабатывающий комбинат и многие другие предприятия сооружались с братской помощью советского народа. Мы помним, как из Одессы в наши адриатические порты прибывали суда под советскими вымпелами. Они доставляли современное оборудование для оснащения новых фабрик и комбинатов. Помним помощь советских специалистов и инженеров молодым кадрам Албании.

В памяти встают все новые факты дружбы наших людей.

Прошлым летом в деревне Шепер, на юге страны, мне довелось встретиться с одной женщиной, потерявшей на войне двоих сыновей. «Сердце мое», — сказала она, — «раздвоилось, оно полно горячи и печали о погибших сыновьях, слеза ослез моих надежд. Но мое сердце радуется, когда вижу нашу свободную страну. Мы имеем надежного друга — Россию. Еще наши деды говорили, что Россия всегда защищала албанцев».

Несколько месяцев назад в Москву приехал маленький албанский мальчик, страдавший тяжелой сердечной болезнью. Провожая сына, мать не знала, вернется ли он живым. Прошло некоторое время, и советский врач Вишневецкий сделал мальчику труднейшую операцию в области сердца.

Как-то я разговаривал с одним старым рабочим на московском заводе автотракторного электрооборудования.

— Оборудование, которое сейчас делает наш завод, — сказал он, — мы пошлем вашей родине. Мы хорошо знаем Албанию, маленькую социалистическую страну на побережье Адриатики. Она далеко от нас, но близка сердцу советского народа.

Мы помним Энвера Ходжу и других албанских руководителей, — продолжал рабочий. — Год назад они приезжали к нам на завод, делились своими впечатлениями о XX съезде партии. То был сердечный разговор, разговор друзей. Когда в Советский Союз снова придет делегация Албании, мы ждем дорогих гостей и на наш завод...

Нас, советских и албанских людей, объединяет единая цель, единые устремления. Наша дружба окрепла в борьбе с общим врагом. Албанский партизан, что хранил на своей груди листовки с передачами Московского радио, умирая, знал, что на Востоке у Албании есть большой друг. Этот друг освободит албанский народ. Пусть этот друг, плоды албанско-советской дружбы мы видим в большом и малом. И тщетны попытки помешать крепнувшей дружбе советского и албанского народов. Мы говорим: нас объединяют общие идеалы, нас объединяет марксизм-ленинизм, солище этой дружбы.

Сотир ПОЛУЛИ,
албанский журналист

МОСКВИЧИ с интересом ждали открытия декады литературы и искусства Таджикистана. Задолго до ее начала красочные плакаты и афиши анонсировали спектакли, концерты, фильмы, выставки, которые предстояло увидеть зрителям столицы.

Декада началась 9 апреля. Москвичи тепло приняли первые спектакли — балет А. Лисского «Дильбар», оперу Ш. Сайфитдинова «Пулат и Гулру», привезенные в Москву Государственным театром оперы и балета имени С. Айни, драму М. Рабиева и С. Саидмуратова «Саодат» и «Король Лир» в постановке Театра имени Лахути, пьесы М. Рабиева «Добрая слава» и М. Горького «Дети солнца» в исполнении артистов сталинградской русского драматического театра имени Маяковского. В день открытия декады в филиале Большого театра СССР на балете «Дильбар» присутствовали товарищи Н. А. Булгаков, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, М. А. Суслон, Л. И. Брежнев, Н. Т. Шенников, Е. А. Фурцева, Н. М. Шверник, А. Б. Аристов, П. Н. Поспелов, первый секретарь ЦК КП Таджикистана Т. Ульджабаев.

Открытие таджикской декады

В ЧЕРА в Колонном зале Дома союзов открылась литературная часть декады. А. Сурков сердечно приветствовал гостей. Секретарь ЦК КП Таджикистана А. Имамов рассказал о достижениях экономики и культуры республики.

— На опыте Таджикистана, как и других советских республик, — сказал он, — наша свое блестящее подтверждение марксистско-ленинской теории о том, что каждая нация, большая или малая, способна в условиях народолюбия и социализма в кратчайшие сроки преодолеть отсталость, внести свой достойный вклад в общесоветскую культуру.

На широкую всеесоюзную арену вышла за эти годы таджикская литература. Произведения наших писателей перевезены на языки братских народов СССР и пользуются все большее распространение за рубежом — в Чехословакии, Польше, Болгарии, Китае, Германской Демократической Республике, Индии, Англии и других странах.

Литераторы и деятели искусства Таджикистана приехали сюда не только для того, чтобы показать свои творческие достижения, но чтобы и серьезно поучиться у своих старших, более опытных товарищей, выслушать их мнение о наших романах и повестях, поэмах и очерках, пьесах и стихах. И мы не сомневаемся, что это квалифицированное, принципиальное обсуждение поможет нам.

Выставка в Центральном Доме литераторов. Старинная подставка для чтения книг.

В заключение А. Имамов выразил благодарность всем коллективам деятелей литературы и искусства Таджикистана.

- ★ Успех первых спектаклей
- ★ Началась литературная часть декады
- ★ Книжная выставка в Центральном Доме литераторов
- ★ В Музее А. М. Горького
- ★ Встречи с москвичами.

а через них — всего таджикского народа за теплый, радужный прием со стороны москвичей, за крепкие объятия старшего брата — великого русского народа.

Горячо приветствовал зал выступления таджикских поэтов, читавших свои стихи на родном языке, и русских поэтов-переводчиков.

В заключение состоялся большой концерт солистов Государственного театра оперы и балета имени С. Айни и коллективов таджикской филармонии.

ЕЩЕ ДО ОТКРЫТИЯ ДЕКАДЫ начались встречи таджикских гостей с писателями, учеными, рабочими столицы. Московские литераторы принимали гостей в своем доме на улице Воровского. Трехцветные флаги республик, пестрые шелковые ткани, национальный орнамент украшали вход, калитку и залы Центрального Дома литераторов. Здесь открылась прекрасная организованная выставка таджикской книги. На выставке представлены наиболее ценные и редкие экземпляры из фондов республиканской библиотеки имени Фирдоуси — одного из богатейших книгохранилищ, где собрано до миллиона томов. На выставке — редчайшие рукописи, первоначальные издания, образцы современной полиграфии.

Внимательно рассматривают посетители выставки «Диван» Дианами — сочинения классика XV века, переписанные его сыном вскоре после смерти великого поэта; искусно оформленную книгу четверостиший Омара Хайяма — работы каллиграфов XV века; хронiku истории тимуридов в стихах, появившуюся на специальной подставке для чтения, вытканной из цельного куска дерева; старинные пеналы для тростниковых перьев, украшенные росчерком, напоминающей наше палеостное искусство.

Рядом с рукописями — новейшие издания великих творений классиков: впервые переведенная на русский язык «Дон-Кихот» — знаменитая «Книга знания» Ибн-Сины (Авиценны), выпущенная перед самой декадой, двухтомник произведений Фирдоуси на таджикском языке и другие. Общий интерес вызывает скульптурный портрет Рудави, созданный по черепу поэта скульптором-антропологом М. Герасимовым; фотографии последовательно зафиксировали процесс восстановления облика поэта.

На стендах — множество книг современных писателей Таджикистана, издания их произведений за рубежом, переводы классиков мировой литературы на таджикский язык, образцы периодической печати. Издательство республики выпустило к декаде много книг. Они

наглядно свидетельствуют о громадном росте культуры таджикского народа. Живым воплощением глубочайшего уважения к русской литературе может служить художественный триптих Пушкин — Горький — Маяковский, выполненный по эскизу художника Б. Нурдидинова его дочерью вышивальщицей З. Бахриддиновой.

В СКОРЕ после открытия выставки группа таджикских писателей направилась в Музей А. М. Горького. — Первой большой книгой из русской литературы, прочитанной мною, были «Мои университеты». Но для каждого писателя подлинным университетом является все творчество Горького, вся его жизнь, — сказал, делая своими впечатлениями, молодой прозаик П. Толис, автор перевода «Сказок об Италии». От имени участников декады он передал музею экземпляр только что изданных пьес Горького на таджикском языке.

В первые дни пребывания в Москве гости посетили Третьяковскую галерею, встретились с учеными столицы, с рабочими завода «Красная звезда» и другими.

За творческую инициативу масс

Академик С. СТРУМИЛИН

Поставленный ныне на обсуждение самых широких масс трудящихся вопрос о глубоком, коренном улучшении методов планирования и организационных форм управления народным хозяйством СССР сам по себе, пожалуй, не нов, но в своей новой постановке он поднимает нас на новую высоту и расширяет все потенциалы нашего коммунистического строительства.

Для реализации намеченных форм нам требуется ревизовать в каком-либо отношении наши старые, научно обоснованные еще В. И. Лениным программные и тактические установки революционного марксизма. Мы ни на шаг не отступаем от «генеральной линии» партии, направленной на всемерное развитие экономики страны и ее главной основы — тяжелой индустрии, на укрепление могущества Советской Родины и неуклонный подъем благосостояния народа. **Операционные темпы** тяжелой индустрии послужат ускорению комплексной механизации и автоматизации производства, облегчат труд и повысят его производительность.

Мы всегда стояли и стоим за демократический централизм в управлении, противопоставляя общественные интересы более узким, местным и ведомственным тенденциям. Но этот ленинский принцип не следует толковать односторонне. В противном случае демократический централизм без демократии превращается в бюрократическое управление, коллективный разум за ненадобностью атрофируется. Нет нужды говорить, что не таков смысл ленинского принципа централизма демократического и совсем не таков смысл ленинского принципа управления социалистическим строительством, — принцип, открывающий, как сказано в тезисах доклада Н. С. Хрущева, «неограниченные возможности» (здесь и далее в цитатах выделено нами. — С. С.) для активного участия народных масс в управлении производством».

Мы знаем уже на собственном опыте, что школа революции в своих поисках новых форм и методов управления народным хозяйством, соответствующих принципам нового социального строя, далеко не всегда следовала всем требованиям школьной логики. Это была школа борьбы в очень трудной конкретной обстановке, когда рабочие еще не научились управлять производством, значительная часть старой интеллигенции откровенно саботировала Советскую власть и когда даже в Госплане и Советах народного хозяйства нам приходилось строить социалистическое управление руками буржуазных специалистов. Мудрено ли, что и в СССР этими опытами руками сплошь и рядом под новыми наименованиями насажались старые административные институты и в них постепенно возрождались по традиции прежние бюрократические навыки и повадки.

Нельзя сказать, что советская демократия игнорировала эту опасность. Бюрократия, как и ее новейшее порождение — технократия, принципиально враждебна народному творчеству, поднимающемуся с низов. Она бьет великодушным презрением ко всему, что еще не преподало сверху, «вышестоящими инстанциями», и не вадительно намертво соответствующими параграфами, сквозь бумажную броню которых с таким трудом пробивается всякий низовой почин к самостоятельности масс и вообще всякая незапатентованная еще сверху всякая мысль. Претендуя на безусловное себе доверие народных масс, бюрократия отнюдь не склонна сама оказывать им такое же доверие. Отсюда ее пристрастие к безмерному расширению так называемой секретной отчетности, которая нередко оказывается секретной только в пределах собственной страны, и всяким другим способом уклонения от предугазан-

ного еще Лениным всенародного контроля. Все это не может быть оправдано в условиях СССР. И рабочая демократия нашей страны, возглавляемая Коммунистической партией, уже десятки лет весьма энергично борется со всеми проявлениями бюрократизма.

Но борьба эта очень и очень не легка. Неуклюжий разбухший управленческий аппарат чуть ли не ежегодно немалого сокращали, а он, не поддаваясь, увеличивался вновь, и притом нередко в масштабах расширенного воспроизводства. Одна административная перестройка следовала за другой. Министерства разукрупняли и снова укрупняли. Число их сокращалось и вновь умножалось. Госплан расчленился на свои элементы и уже снова готов восстановить свое единство. И все это не удивительно. Социалистическая революция не выполняла бы своего назначения, если бы в неустанных поисках наиболее пригодных для ее целей новых форм управления остановилась на полдороге, увекочив в их системе и те или иные язы чужеродного нам бюрократизма. Правда, в свете громадных достижений планового руководства хозяйством в СССР и многие из этих лав казались не столь уж зловерными. Но без них наши успехи были бы ведь еще более значительными. Хозяйственная обстановка в стране, однако, существенно изменилась и позволяет нам сделать новый существенный шаг в области дальнейшего совершенствования методов и форм управления.

Основная идея настоящей перестройки заключается, на мой взгляд, в том, что все внимание страны в этой области направляется от управляющего единого центра к управляемой им широчайшей периферии, переносится на производственный базис всей нашей демократии, на важнейшую производительную силу страны, на развивающиеся инициативы и самостоятельность самых широких трудящихся масс, всей советской интеллигенции. «Госплан СССР должен быть научным планово-экономическим органом народного хозяйства страны... Вся основная работа по составлению плана должна быть перенесена на места... Разработка планов должна начинаться на предприятиях...» А наряду с Госпланом мыслится Инженерно-технический комитет из выдающихся инженеров, ученых и новаторов производства, призванный осуществлять контроль за внешними по отношению к нему достижениями науки и техники... В области планирования, таким образом, отныне народнохозяйственный план не будет «спускаться» сверху вниз по всем ступеням административной лестницы, а как раз наоборот: его почин на периферии, с широким творческим участием в нем всего многочисленного актива трудящихся, определит его путь снизу вверх, для все более комплексного научного обобщения и балансировки узких всех его элементов, на каждой из последующих ступеней планирования. Такой план, опирающийся на все творческой опыт советской демократии и все достижения передовой техники и науки, уже сам по себе весьма ограничивает возможные рамки административных «восторгов» и бюрократического усмотрения.

В то же время в области методов хозяйственного руководства намеченная перестройка требует прежде всего приближения руководства к производству с расширением прав и ответственности местных, республиканских и прочих низовых органов управления производством, с ликвидацией всех излишеств его централизации и с упразднением всех ведомственных барьеров и канцелярских волокути.

Вместо десятков ведомств в центре и на местах создается единые Советы народного хозяйства, ограниченные определенной подведомственной территорией, но с комплексным охватом всех местных ее особенностей и возможностей для использования наличных внутренних резервов и развития специализации и кооперирования производства во внутреннем и межрайонном разделении труда. Центр тяжести конкретно-го руководства производством сосредоточивается при этом в почтенных совнархозах отраслевых комбинатах и трестах «на основе широкого участия трудящихся в управлении промышленностью и строительством».

В какие формы выльется это участие самих трудящихся в управлении, пока еще сказать трудно: ответ на этот вопрос решится в ходе всенародного обсуждения, его даст практика. Но несомненно, что ныне, когда в стране имеется уже не только мощная материально-техническая база и многочисленные кадры высококвалифицированных специалистов, выращенных из недр своей собственной трудовой интеллигенции, но и во много раз выросла численность рабочего класса и неизмеримо поднялся его культурно-технический уровень, — созданы все предпосылки для намеченной демократизации управления.

Такая перестройка не случайно в тезисах доклада Н. С. Хрущева названа народной. В ней заложена политика дальнего прицела и огромного мобилизующего действия, ибо она будит энергию почта, открывает новые просторы для творческой инициативы широчайших масс трудящихся. И здесь невольно напрашивается аналогия с протекающим ценным реакцией при добыче внутриатомной энергии. В малых реакторах они вообще не возникают. Да и в больших легко затухают при наличии в активной среде замедляющего ее окружения. Но если каждый активист в новых условиях увлечет своим примером хотя бы только двух-трех соратников, то это и создаст ту цепную реакцию, которая извлечет из недр нашей общественной формации еще не выявленные никем потоки творческой энергии масс.

Конечно, перестройка форм и методов управления промышленностью и строительством вызовет неотложную необходимость и ряда последующих улучшений. И прежде всего в области экономического районирования и размещения производительных сил страны. Территориальный принцип планирования и управления предполагает и соответствующую сетку пригодных для этой цели территорий. Проведение еще по почину В. И. Ленина районирования, несомненно, уже кое в чем устарело. Страна развивалась неравномерно, возникли новые районообразующие центры на Востоке. И если для целей управления в основном вполне пригодны и существующие областное деление страны, то для перспективного планирования, размещения и омертвления заложенной оно может оказаться явно недостаточным.

В тезисах доклада Н. С. Хрущева уже отмечена опасность местничества и автаркических тенденций в хозяйственной деятельности местных совнархозов. Если каждый из них только свои нужды, в ущерб всех соседей, сочтет и важнейшими и первоочередными, то все серьезные вопросы преждем придется решать в центре. Эти местнические тенденции тем опаснее, чем уже границы призванных к самостоятельности территорий. Рациональную гипотезу хозяйственного развития на 15—20 лет вперед можно составить только для достаточного числа территорий, охватывающих по нескольким нынешним областям. Объединенный между собой тесными хозяйственными связями, но отличающийся вместе с тем и известным своеобразием в общесоюзном разделении труда, каждый из таких территориальных комплексов имеет особое место в общей гипотезе развития всей страны. Таковы, например, так называемые «экономические районы Госплана».

Но с тех пор, однако, они использовались только в статистических сводках. Но если нужно опереться в планировании на местную самостоятельность и низовую инициативу, то ее следовало бы мобилизовать. Создать для этой цели в каждом районе Госплана административные органы, наподобие республиканских, едва ли целесообразно. Но о плановых бюро в таких крупных экономических районах следовало бы подумать. Опираясь на местную научно-техническую и прочую общественность, создавая районные съезды и совещания,

Писатели обсуждают тезисы доклада Н. С. Хрущева

На открытии партийного собрания писателей Азербайджана были обсуждены тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. Первым взял слово О. Сарывелли.

— Развитие народного хозяйства, — сказал он, — требует изменения, улучшения руководства, расширения прав союзных республик. — Ведь ясно каждому, что там, где, скажем, сеют хлопок, должны быть сосредоточены и предприятия, связанные с обработкой этого вида сырья. В Баку основным богатством является нефть. Здесь же должны размещаться существующие научно-исследовательские институты, заводы — поставщики нефтяного оборудования. — Если бы Мингечаурская ГЭС находилась в ведении республиканских организаций, ее мощность можно было бы использовать гораздо лучше, — сказал Али Велев. — Сейчас электроэнергия из Мингечаура поступает в основном в Баку и Сумгаит. Между тем ее с избытком хватало бы и на то, чтобы электрифицировать многие села и колхозы Азербайджана.

— Чтобы получить специальною востоковедом, надо ехать в Средней Азии или Закавказья в Москву. Не лучше ли Институт востоковедения перебазировать поближе к Востоку? — ставит вопрос Н. Бабаев.

Факты междуведомственной неразберихи привел Г. Осипов. Так, например, телевизионные центры подчиняются двум разным министерствам — связи и культуры. Не-

понятно, почему Издательство детской и юношеской литературы в Грузии подчинено Министерству просвещения, а такое же издательство в Азербайджане — Министерству культуры. В каждом из этих двух издательств свои порядки, свои штаты, свои расценки.

Директор издательства Союза писателей Азербайджана С. Занис вносит предложение объединить мелкие издательства, которых в Баку около десятка. По его мнению, Лиффонд и Управление по охране авторских прав Союза писателей выполняют, в сущности, однородные функции. Управление собирает отчеты от авторов гонораров и передает их Лиффонду. Быть может, есть смысл объединить эти организации? Г. Гусейнзаде предлагает открыть широкое обсуждение тезисов доклада Н. С. Хрущева на страницах республиканских газет и журналов под специальной рубрикой «Трибуна писателя». Для этого надо командировать писателей в районы республики. Там они найдут богатый материал для своих очерков, статей и заметок.

В прениях выступили также К. Касумзаде, А. Агаев, Н. Брутенц. Участники собрания горячо говорили о том, что тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева — яркое проявление мудрой политики Коммунистической партии, настойчивого проведения ленинских принципов в коммунистическом строительстве. Собрание единодушно одобрило намеченные в тезисах мероприятия.

Ю. ДАШЕВСКИЙ

БАКУ. (Наш корр.)

Самолет садится на айсберг

Дизель-электродвигатель «Лена», пробиравшись через пояс сплошных дрейфующих льдов и сползая на айсберг в районе залива Амундсена, вышел на чистую воду и 27 марта повернул на восток, курсом к Мирному. Закончен еще один важный этап научно-исследовательского плавания нашего корабля в южнополярных водах. За сорок суток обследовано почти три тысячи километров берега между 60° и 45° южной широты и восточной долготы. Комплексному изучению подвергся весь огромный район между Западным шельфом и Землей принца Олафа.

Научные работники — географы, картографы, геофизики, астрономы — высказались за создание базы материки и на острове, устраивали здесь временные лагеря, вели свои наблюдения в соответствии с программами Международного геофизического года.

В результате сорочидневных исследований установлено, что многие из нанесенного на прежние карты не соответствовали действительности. Изображения некоторых участков берега грубо ошибочны, отдельные заливы, мысы и острова на картах отстоят от истинных мест на расстояние до десяти километров. На новых, уточненных, картах обследованного района будут указаны новые острова, крупные заливы, уточнены горные хребты и т. д.

Большое значение для успеха исследо-

ваний имел труд полярных летчиков экспедиции. В авиационный отряд возглавляемый Героем Советского Союза И. Мазуриком, входили экипажи летчиков М. Каминского, А. Полякова, молодого пилота вертолета В. Санникова.

Нелегкая работа авиаторов в полярных условиях. Разно изменчивая антарктическая погода. Отсутствуют карты для полетов, неизвестен рельеф местности, а поэтому затруднителен и полет по прибору. Сложные метеорологические условия, помехи часто нарушают прохождение радиоволн, нередко мощные на вид ледяные поля внезапно разламываются на мелкие куски, так как они состоят из сматых, но не спаянных между собой небольших льдин, покрытых глубоким снегом. Но именно на такие поверхности — на дрейфующие ледяные поля или столбовидные айсберги, на глетчеры или незлопоманый припай — нужно было делать посадки. И летчики «Лены» делали их!

В этих условиях отлично зарекомендовал себя самолет конструкции О. Антонова, специально приспособленный к работе в полярных условиях.

За сорок суток работы в воздухе летчики «Лены» сделали почти 250 полетов на самолетах и 200 рейсов на вертолетах. Посадки на айсберги являются подлинными новаторскими: никто ранее на айсберги не садился.

Антарктида. У берегов поселка Мирный.

Фото В. Ешурнина

Замечательная была заключительная операция, выполненная летчиками 25 марта. За час до этого на вершину ледяного купола острова Уайта — на высоте 250 метров — была высажена группа астрономов и геодезистов во главе с кандидатом наук И. Боршай. Они должны были определить точное положение этого крупного острова. Уже вечером первого дня начался лурга и потеплело до плюс одного градуса. Ледяные облака опустились почти до воды, закрыли как сам остров, так и вершины ближайших айсбергов.

Аэродром был устроен на небольшом столбовидном дрейфующем айсберге, расположенном вблизи острова. Около этого айсберга держалась «Лена». Самолеты находились в готовности на аэродроме. Шесть суток продолжалась гнилая летняя погода. Экипажи самолетов терпеливо ждали улучшения погоды. 25 марта,

за два часа до сумерек, в облаках показавшись разрыв, стал виден сверкающий купол острова. Немедленно вылетели сперва Мазурик, а за ним Поляков.

За полчаса часа самолеты, сделав по два рейса на остров, вывели оттуда ученых, приборы и все снаряжение.

5 апреля «Лена» прибыла в Мирный. На следующий день сюда же пришла «Обь», проводившая исследования между 94° и 20° меридианами восточной долготы. 7 апреля отцом оба корабля оставили рейд Мирного.

П. ГОРДИНКО,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
Борт дизель-электростанции «Лена»
(По радио).

На перекрестке арктических дорог

Заключилось издание пятитомного собрания сочинений Бориса Горбатова. В это собрание включены и его замечательные рассказы об Арктике.

До сих пор никто не писал о Советской Арктике лучше, правдивее, увлекательнее, чем сделал это Борис Горбатов. Спросите любого полярника, моряка, летчика об «Обыкновенной Арктике», и я уверен, он скажет то же самое.

В своей книге Б. Горбатов пишет о вещах необыкновенных, необычных, поражающих своей непохожестью на то, что видим мы вокруг на Большой Земле. Люди, природа, события, быт, техника, весь колорит, самый воздух — все другое! Почему же «обыкновенная» Арктика?

«Не приукрашивать», — писал Горбатов. — «Даже ради красоты стиля не сочинительствовать. Жизнь дает такой колоритный материал, что вряд ли нужно что-нибудь еще придумывать».

В корреспонденциях об Арктике народили столько торосов, что, пожалуй, во всей Арктике их столько не найти. Не торосов, а туросов на колесках. Я за экзотику, но понимаю ее иначе. Лыжи и бальные медведи в Арктике — разве это экзотика? Кто же не знает, что в Арктике водятся медведи? А вот что там есть трактор, дойная корова, свинья ферма, — об этой экзотике, пожалуй, многие и не знают.

Меня лично всегда интересовали будни Арктики, ее деловые (хозяйственные) вопросы, проблемы большевистского освоения Севера.

Это писал он в 1937 году, а в 1940 году Горбатов собрал свои рассказы о Севере в одну книгу и дал ей название «Обыкновенная Арктика».

Недавно, росая в своем фотоархиве, я нашел несколько сделанных мной снимков Б. Горбатова. Вот история одного из них, впервые публикуемого сегодня.

Весной 1937 года я встретился с Б. Горбатовым на перекрестке больших воздушных дорог, в Иркутском аэропорту. Я возвращался в Москву из Якутии; он летел из Москвы в Бодобей собирать материал для очерка, посвященного 25-летию событий на Ленских приисках. Очерк впоследствии появился в журнале «Огонек».

30-томное собрание сочинений Ч. Диккенса

Как уже сообщалось, Гослитиздат готовит издание 30-томного собрания сочинений Чарльза Диккенса. Это будет самое полное собрание его сочинений из когда-либо изданных в нашей стране. До революции они выходили несколько раз, но не включали даже всех художественных произведений Диккенса, не говоря уже о его публицистике, речах и письмах. Даже «Просвещение» — одно из наиболее культурных издательств того времени — не включило в свое собрание сочинений многие известные произведения писателя.

Новое издание будет строго научным. Все произведения писателя публикуются в хронологическом порядке. Они снабжаются необходимыми комментариями, статьями как о творчестве Диккенса, так и об отдельных его произведениях.

В издание войдут все романы и повести Диккенса, в том числе ряд никогда не переведенных на русский язык, а также многочисленные рассказы. Будут напечатаны и «скетчи»-зарисовки Ч. Диккенса — нечто среднее между очерками и рассказами, написанные в своеобразной «диккенсовской» манере. Наконец, три тома займут публицистика, речи и переписка.

Издание будет богато иллюстрировано рисунками английских художников — иллюстраторов Диккенса — Физа, Круикшенка, Маклайза, Каттермола, Бэрнарда и других.

В текущем году должны выйти первые три тома, а все издание предполагается завершить в 1960 — 1961 гг.

«Мать» М. Горького — на лезгинском языке

МАХАЧКАЛА. (Наш корр.). Дагестанское книжное издательство впервые выпустило «Мать» М. Горького на лезгинском языке. Перевод сделал доктором филологических наук Магомедом Гаджиевым.

С. БУДЕННЫЙ

В первых числах апреля 1920 года, по вызову Главнокомандующего в Москву. Наша поездка в столицу республики была связана с решением вопроса о переброске Первой Конной армии в западных границах страны.

Времени для деловых разговоров в пути было больше чем достаточно: поезд часто останавливался, подолгу стоял на станциях — то не было смены паровозной бригады, то кончался топливо, то возникали трудности с заправкой паровоза водой. Почти все водонапорные башни стояли разрушенными, получить уголь или дрова было чрезвычайно трудно.

В Москве, устроившись в отведенном нам номере гостиницы «Националь», мы отправились в штаб Реввоенсовета Республики. На приезд Главнокомандующий вооруженными силами С. С. Каменев. В разговоре участвовали начальник штаба Реввоенсовета П. П. Лебедев и начальник Оперативного управления штаба В. М. Шапошников.

— Каково ваше мнение относительно переброски Конной армии на Украину? — спросил Каменев у Лебедева.

— Штаб считает возможным перебросить Конную армию в район станции Знаменка по железной дороге.

— А каково мнение Реввоенсовета Конной армии? — спросил Лебедев.

— Мы ответили, что вопрос о переброске Конной армии на запад обсуждался нами детально. Неудовлетворительное состояние железных дорог, недостаток вагонов, отсутствие на станциях баз с фуражом и продовольствием, плохое водоснабжение на станциях утвердило нас в мнении, что переброска Конной армии по железной дороге невозможна.

— Тогда что же вы предлагаете? — Мы предлагаем перебросить Конную армию по железной дороге.

— Э-э, — перебил Лебедев. — Это очень длинная история. С подходом к пункту назначения вашу армию надо будет отводить на отряды, так как она устанет и потеряет боеспособность.

— Ну, а по железной дороге Конная в район Знаменки вообще не доберется! —

«Правде» под названием «Новая Ленка». Горбатов уговорил меня повесить обертку на Север и сопутствовать ему в поездке по приискам. Я послушался его и не пожалел. На одной из остановок, в захолустном северном аэропорту, я снял Горбатова с фотоаппаратом в руках.

Фотоаппарат был большим подспорьем в работе писателя, его своеобразным дневником. «Вот на столе передо мною несколько сот моих арктических снимков», — рассказывал он. — Это великолепная записная книжка. Я в деталях вижу одежду чучки, эскимоса, корала. Передо мною портреты будущих героев моих очерков. Запечатлены пейзажи, природа, животный мир».

И вот сам Борис Леонтьевич Горбатов, каким я видел и сфотографировал его ровно двадцать лет назад, в апреле 1937 года.

Обыкновенный советский человек в обыкновенной Арктике.

Н. ПОДОРОЛЬСКИЙ

За творческую инициативу масс

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

«...» По возможности хозяйственный расчет в районном масштабе, если Совнархоз не сможет подкормить даже реальных фондов накоплений, а стало быть, и всего народного дохода, созданного трудовым коллективом данной области или экономического района? Конечно, нет.

В особенно тяжелом положении при этом оказались бы такие районы с преобладающей тяжелой промышленностью, как Урал, Донбасс, Кузбасс и т. п. В результате перераспределения через цены, и налог с оборота и прочие создаваемые здесь фонды накопления невидимыми путями утекать ныне повседневно в другие области с преобладанием легкой промышленности. Тяжелая промышленность должна опережать легкую, но за счет внутренних ресурсов в другие края может осуществляться это только за счет общегосударственных дотаций, что исключает возможность нормального хозяйственного расчета в таких районах. Устранить это препятствие на путях к хозрасчету при территориальном принципе управления можно только реформой в плане ценообразования. И налог с оборота, как элемент вновь созданной стоимости, и весь народный доход необходимо учитывать полностью по месту их производства, а не реализации. Говоря иначе, цены во всех отраслях труда и в любом районе следует планировать, ориентируясь на общественные издержки производства, то есть приближая их к стоимости.

До тех пор пока вся страна рассматривалась как единое и нераздельное хозяйство, еще можно было, пожалуй, считать, что отклонения цен от стоимости в общем итоге по всей стране компенсируются без особого ущерба для всего общества в целом. Но как только мы расчленим это единое хозяйство на целый ряд районных хозяйств, экономика которых нуждается в постоянном взаимном товарообороте, мы не можем базировать их экономику на таком обмене, в котором одно хозяйство всегда заведомо теряет, а другое за счет него выигрывает нечто без всякого эквивалента. Обмен должен быть эквивалентным. Без этого нет основной предпосылки к хозрасчету в пределах таких больших территориальных комбинатов. Исчезает почва для социалистического их соревнования, угасает интерес к плодотворной самостоятельности местных сил, а вместе с тем теряется и весь эффект намеченной перестройки управления.

Если эта перестройка направлена к созданию на местах новых, ближе заинтересованных, а потому и более рачительных хозяйств местного производства, то им дол-

Борис Леонтьевич Горбатов

жна быть предоставлена и достоянная для этого финансовая самостоятельность. Не местный бюджет должен строиться на принятии отчислений от общегосударственных доходов, а наоборот, общегосударственный бюджет следует укрепить на прочной базе непрерывно возрастающих местных ресурсов. При этом изъятия в централизованные фонды общегосударственных накоплений и резервов из местных средств должны быть соразмерны производственным возможностям каждого из районных хозяйств, оставляя в их распоряжении достаточно ресурсов для модернизации устаревших средств труда и текущего их расширения, в пределах общего плана и местных потребностей.

Для полного использования инициативы и самостоятельности масс все высказанное совершенно необходимо. Значит, требуется известная перестройка и финансовой нашей практики, и статистики, и «перестройка» работы по осуществлению государственного контроля с тем, чтобы работа по контролю строилась на основе вовлечения широких трудовых масс, была сосредоточена на местах, в республиках, в областях и экономических административных районах».

Со времени Ленина мы стремимся наладить всенародный учет и контроль. Но как далеки еще подчас от этой цели наши отчетные статистические сводки! Нам нужна такая отчетность, в которой автоматически и вочью вскрывались бы все неполадки и погрешности нашей хозяйственной практики для срочной их ликвидации. А ведь у нас подчас публикуются такие отчетные «стуманы-растуманы», из которых трудно извлечь практическую пользу. Значит, и здесь еще требуется изрядная перестройка.

Но мы уже на пути к ней. Обсуждение тезисов доклада Н. С. Хрущева развертывается все шире, по всей стране. И это очень важно. Перестройку следует продумать во всю ее глубину и сделать заранее все возможные выводы. Было бы очень печально, если б, спешки ради, она ограничилась переименованием «министерств» в «управления» и пересалкой всех завонов и помов с их секретаршами из 20 министерств в 120 совнархозов, без всего остального, что необходимо для пробуждения местной самостоятельности трудящихся масс. Поднятых уже в печати проблем много. Может быть, некоторые из них целесообразно было бы обсудить не только в печати, но и на специальных съездах статистиков, финансистов, экономистов. Но и теперь уже ясно вся важность проблем, поставленных ныне на обсуждение нашей партии.

Наш молодой северный город

Сокол на десерт километров раскинулся по берегам реки Сухоны, спокойно несущей свои воды к величавой Селенгой Двине. Хороша наша Сухона! Примечательна непогода. Богатейшие покосы снимают колхозники с сухоных выжи. Благодаря им знает страна о прославившемся вологодском масле.

Сокольские старожилы помнят время, когда город был опасен лесами. После трудового дня жители шли в лес или на берег реки. Здесь работали лодочные станции, стояла купальня, был хороший пляж.

Рыболов находил на Сухоне немало заветных местечек. Харусу, голышу, сухоноску стеляла щедро вознаграждали его труды.

Город рос. Строились крупные промышленные предприятия. Сокол стал одним из центров бумажной и деревообрабатывающей промышленности.

Мы рады, что наши предприятия, дающие бумагу для журналов, газет и книг, способствуют тем самым росту культуры самых широких слоев населения. Но очень огорчительно, что сами эти предприятия, вернее, хозяйственники, не соблюдают самых элементарных правил культуры производства.

За последние годы потускнела наша красавица Сухона. Ядовитые щелочи

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Наша красавица Сухона

целлюлозно-бумажных производств отравляют воду, сизая пена плышет по ее поверхности, прилипает к грязным, скользким берегам.

Вырублены окрестные леса. На шести километрах вниз ушла рыба. Берега покрылись камнем и гравием, штабелями леса, досок. Тут нет места не только купальне с лодочной станцией, но и примитивному плоту для полоскания белья.

Работники городского Совета никак не реагируют на письма граждан, протестующих против загрязнения реки, вырубки леса вокруг города.

У автора эти строк накопился кита трафаретных отписок. Незаметно для себя я превратился в рыного собирателя конвертов с ведомственными штемпелями. На меня обижается председатель Сокольского городского исполкома, которому я неоднократно писал о том, что он должен отстаивать интересы города, заботиться об охране природы, о наших детях, об отдыхе населения, его бытовых удобствах.

Доводы, которые приводил в ответ председатель горисполкома, сводились к тому, что, мол, интересы государства преобладают над

индивидуальными интересами «отсталых» граждан.

Но когда я писал о загрязнении реки, то думал не о своих интересах, а об общем, в том числе и государственном деле.

Мне часто приходилось слышать о том, что горисполком бесил перед руководителями предприятий, не соблюдающими санитарных норм на реке. Это неправда. Горисполком, может быть, одному действительно трудно сделать многое. Но почему он не опирается на общественность? Ведь если бы он призвал нас, своих избирателей, мы давно помогли бы и очистить берег, и построить лодочные станции, купальни, пляжи.

Что же касается руководителей предприятий, то они обязаны сделать вывод из недавнего напоминания Министрства государственного контроля СССР о том, что нужно оберегать реки от загрязнения их производственными отходами.

Хочется верить, что напоминание это подействует и на тех, кто досадливо отмахивается от справедливых требований общественности, выступающей в защиту родной природы.

В. ФУРИН,
г. Сокол,
Вологодская область

Восстановить горьковский «Кабинет мемуаров!»

В 30-е годы по инициативе А. М. Горького был организован «Кабинет мемуаров», который приступил к кропотливой работе по записи и сбору воспоминаний среди широкого круга советских людей. Люди самых различных профессий рассказывали о себе, о своем труде. Рассказы очевидцев, бывалых людей сосредоточены на местах, в республиках, в областях и экономических административных районах».

Со времени Ленина мы стремимся наладить всенародный учет и контроль. Но как далеки еще подчас от этой цели наши отчетные статистические сводки! Нам нужна такая отчетность, в которой автоматически и вочью вскрывались бы все неполадки и погрешности нашей хозяйственной практики для срочной их ликвидации. А ведь у нас подчас публикуются такие отчетные «стуманы-растуманы», из которых трудно извлечь практическую пользу. Значит, и здесь еще требуется изрядная перестройка.

Но мы уже на пути к ней. Обсуждение тезисов доклада Н. С. Хрущева развертывается все шире, по всей стране. И это очень важно. Перестройку следует продумать во всю ее глубину и сделать заранее все возможные выводы. Было бы очень печально, если б, спешки ради, она ограничилась переименованием «министерств» в «управления» и пересалкой всех завонов и помов с их секретаршами из 20 министерств в 120 совнархозов, без всего остального, что необходимо для пробуждения местной самостоятельности трудящихся масс. Поднятых уже в печати проблем много. Может быть, некоторые из них целесообразно было бы обсудить не только в печати, но и на специальных съездах статистиков, финансистов, экономистов. Но и теперь уже ясно вся важность проблем, поставленных ныне на обсуждение нашей партии.

Думается, что к предстоящей художественной выставке в честь сорокалетия Октябрьской революции появятся, наконец, проекты памятников Лермонтову, и Министерство культуры СССР, а также Моссовет попытаются, чтобы достойный памятник великому сыну Москвы был воздвигнут как можно быстрее на площади его имени.

Д. МАШУРОВСКИЙ

О памятнике М. Ю. Лермонтову

Как известно, замечательный русский поэт М. Ю. Лермонтов родился в Москве и горячо любил ее. Казалось бы, наряду с памятником А. С. Пушкину в столице следовало бы установить и памятник Лермонтову.

Думается, что к предстоящей художественной выставке в честь сорокалетия Октябрьской революции появятся, наконец, проекты памятников Лермонтову, и Министерство культуры СССР, а также Моссовет попытаются, чтобы достойный памятник великому сыну Москвы был воздвигнут как можно быстрее на площади его имени.

Д. МАШУРОВСКИЙ

«Доверие обязывает»

У кинотеатров города сейчас дежурят комсомольские бригады содействия милиции. В прошлом году с их помощью задержаны спекулянты билетами, которые были связаны с кассирами кинотеатра «Родина». Директор кинотеатра Петров, не контролировавший работу кассиров, снят с должности.

22 февраля горисполком утвердил план по строительству и благоустройству колхозных рынков на текущий год.

Депутат В. Савельев, действительно, слабо участвовал в деятельности городского Совета, не выполнил наказов избирателей, на что ему неоднократно указывалось. Однако тов. Савельев не сделал соответствующих выводов, в связи с чем не был выведен кандидатом в депутаты во время нынешней избирательной кампании.

В. СУХОВ

ЧТО ТАКОЕ ШАРЖ?

Кто ваш друг? Слепо преданный, всепронзающий человек или тот, кто честно говорит вам всю правду, как бы она ни была горька? Отдайте предпочтенье последнему. Уж он-то наверняка заметит у вас недостатки, ошибки или пороки, от которых вам надо избавиться для вашего же блага. Художник И. Игнн много лет рисует шаржи на деятелей литературы и искусства, причем они всегда дружеские, хоть иногда, как настоящий друг, он говорит своим героям горькие истины. Кроме рисунков, которые мы часто видим в газетах и журналах, он выпустил недавно два альбома дружеских шаржей: «В литературной галерее» и «Что ни страница — знакомые лица». Это уже труды фундаментальные, и об их достоинствах и недостатках стоит поговорить.

Игнн превосходно умеет сходство. Но это было бы не таким уж большим достоинством, если б он не работал упорно над рисунком особого рода — сатирическим, стремясь достичь наибольшего эффекта самыми скупыми средствами. В первом и особенно во втором альбоме в его шаржах все чаще главное — линия, строгая, ясная, представляющая человека несколькими черточками пера. Взгляните на И. Ильинского: это рисунок почти без подробностей — лицо, очертание, но двумя скупыми линиями зримо, ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

И. Игнн и его коллеги поэты-сатирики отнюдь не всегда создают безобидные шутки. Нет, в рисунках художника и в подписях к ним всегда ошутливо, хочется сказать, пластично вылеплены губы с улыбочкой сатирика, очень жадного до всего смешного.

Встреча с Лениным

Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный пишет воспоминания о проделанном им большом жизненном пути. Сейчас он заканчивает рукопись первой книги, которую предполагается выпустить в Воениздате к 40-летию Великого Октября.

Никто не публикует отрывок, в котором рассказывается о первой встрече С. М. Буденного с Владимиром Ильичем Лениным.

стояли мы на своем. — Понятно ли штабу, что означает вести армию в вагонах, без снабжения и воды на станциях, под явной угрозой художницы и падежа лошадей? Мы со всей серьезностью настаиваем на переброске армии походным порядком. Именно походным. Не иначе.

Но как мы ни доказывали правильность своей точки зрения, Лебедев и Шапошников с нашими доводами не соглашались. Главком, однако, приказал им еще раз подумать над нашим предложением.

— Может, товарищи действительно правы? — Вернувшись в гостиницу, мы совзниклись с И. В. Сталиным. В то время проходила работа IX съезда партии. Как раз был обещанный перерыв. Сталин сказал, что он в курсе вопроса, по которому мы приехали, и будет рад нас видеть. Он пригласил нас в Кремль, к себе на квартиру.

— Пообедаем вместе, — сказал Сталин, — и пойдем на съезд. Я общуюсь с вами Владимир Ильич. Он непременно пожелает увидеть вас и поговорить с вами.

При встрече с Иосифом Виссарионовичем мы подробно информировали его о наших фронтных делах, о состоянии Конной армии и о разговоре у Главкома. Сталин полностью согласился с нашим предложением и обещал нас поддержать.

Обещанный перерыв кончился. Мы отправились в Свердловский зал здания ВЦИК, где проходила работа съезда, и остановились у зала заседаний. Сталин куда-то ушел, но быстро вернулся и сказал, что он общался с нас Ленину, что Владимир Ильич сейчас пойдет на заседание съезда.

Я очень волновался в ожидании встречи с Лениным. Каждый боец, каждый командир и политработник, вставший на

путь вооруженной борьбы за Советскую власть, носил образ Владимира Ильича в своем сердце. Без Ленина мы не мыслили Советской Республики, не представляли себе власти рабочих и крестьян. Великие дела Ленина создавали в воображении простого человека и великий образ его. И хотя я слышал раньше, что Ленин на вид обыкновенный человек, мое воображение все-таки рисовало Ильича человеком необыкновенным: высокого роста, широкоплечим, с большой головой и суровым взглядом, в одежде рабочего и кожаной фуражке пролетария-металлиста.

Почему в одежде рабочего? Да потому, видно, что в сознании крестьянина руководящая роль рабочего класса связывалась с тем, что Ленин, мол, сам из рабочих... Стоим мы — И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и я. Разговариваем вплотную. Вдруг я увидел Ленина. Он быстро шел по коридору, направляясь к нам. И вижу, Ленин такой будто, как все: среднего роста, совсем обыкновенный, только вот голова большая, широколобая. Чуть-чуть рыжеватый отлив волос головы, усов и бороды. Сверкающие глаза, живое, подвижное лицо припалали Ильичу какую-то особую человеческую красоту...

Он подошел, на ходу окинул нас быстрым взглядом, и поздоровался: вначале с Климентом Ефремовичем, затем со мной.

— Вот это и есть тот самый Буденный? — быстро сказал Владимир Ильич, щура свои темные, умные глаза, и внимательно посмотрел на меня.

— Этот самый, — ответил за меня Сталин.

— Ну как дела, товарищ Буденный? Я смутился и, сам того не желая, вынул: — Слава богу, Владимир Ильич! — Это выходит по-русски — хорошо. Это очень хорошо, — проговорил Ильич. — Значит, слава богу, — повторил он и рассмеялся, звонко и заразительно.

Робость моя как-то сразу пропала, я почувствовал себя своим в обществе этого необыкновенного человека.

— Я о вашем приезде знаю, но не ожидал видеть вас так скоро. Ну, товарищ, пойте мне на съезд. О ваших делах поговорим, обязательно поговорим, по позже. Я скажу вам, где и когда.

Владимир Ильич провел нас в Президиум съезда.

— Прощу слово вне очереди, — обратился он к председателствующему.

— Товарищи делегаты! К нам прибыли по делам службы товарищи Буденный и Вороши

3 АВТРА в Институте мировой литературы имени А. М. Горького открывается дискуссия о реализме, в которой примут участие литературоведы, критики, писатели. В связи с этой дискуссией мы помещаем в порядке обсуждения статью Б. Бурсова, посвященную проблеме развития реализма в литературе.

Развитие реализма

Б. БУРСОВ

можно заключить, что конфликт между главным героем — носителем добра и справедливости и его братом Базиллом, воплощающим в себе зло и несправедливость, закончится победой Тома Джонса. Все богатство жизненных ситуаций, воспроизводимых в романе, никакого существенного влияния не оказывает ни на тот, ни на другой характер. Оба героя инстинктивно, но их энергия направлена на разрешение сугубо частных коллизий. Ни у Тома Джонса, ни у Базилла не возникает необходимости в выборе определенного образа мыслей, а в связи с этим и определенно образа действий, которые выразили бы их собственное понимание жизни и отношение к ней. Но вот Робинзон Крузо в романе Дефо самостоятельно избирает свой жизненный путь: родители предлагают ему стать юристом, а он делается мореплавателем. Однако выбор профессии — это еще не выбор образа мыслей и образа действий. Следовательно, и Дефо не выходит за границы реализма XVIII века.

В реализме XIX века положение коренным образом меняется. Писатели-реалисты делают теперь героем своих произведений человека, вырабатывающего свое, особое отношение к действительности, усваивающего те или иные взгляды на общество, затем перематривающего их и иногда даже отбрасывающего от них те, которые кажутся новыми, с его точки зрения более совершенные. Поэтому реализм XIX века изображает человека в движении и развитии, в многообразных связях его с социальной средой, обнаруживая при этом подвижность и изменчивость этих связей.

Для героя романа Бальзака «Утраченные иллюзии», Люсьена Шардона, выбор профессии, в сущности, никакого значения не имеет. Герой Бальзака направляет свои усилия на то, чтобы выработать определенные взгляды на окружающую среду и, руководствуясь ими, установить какое положение в ней должно принадлежать ему.

Необходимо, однако, отметить, что реализм XIX века, в особенности западноевропейский, довольно часто изображал человека, у которого не было гармонии между образом мыслей и образом действий, хотя он сам выбрал и то и другое. Такой разлад присущ многим героям Бальзака и отчасти тому же Люсьену Шардону. Он замечает это и становится на путь сознательной лицемерии — при отсутствии прогрессивного лагеря он переходит к реакционному. Некоторые другие герои Бальзака — уже откровенные циники. Сочетание большого ума и благородства, с одной стороны, цинизма и лицемерия, с другой, — одна из самых характерных черт Жюльена Сореля, героя стэндалевского романа «Красное и черное». Жюльен Сорель является интеллектуальным героем в самом подлинном смысле этого слова. У него свой взгляд на действительность, которым он руководствуется. Он, например, отчетливо сознает несправедливость сословных привилегий, понимает, что ценность человеческой личности зависит прежде всего от ее внутреннего содержания. Он хорошо знает и ценит саму себя, возмущаясь тем, что поставлен в недостойные условия жизни. Тем не менее, не имея путей борьбы с сословными привилегиями, он, противно своим собственным убеждениям, стремится завоевать себе место под солнцем, пробиться к общественным верхам. Разлад с самим собой и приводит его к трагическому концу.

В создании интеллектуального героя выразились весьма существенные особенности реализма XIX века. Но даже те выдающиеся писатели-реалисты, у которых, если говорить строго, нет интеллектуального героя, знаменавали своим творчеством этап в развитии реализма. Здесь приходится на память Диккенс. Леги Дедлок, героиню «Холодного дома», невозможно назвать личностью с большими духовными запросами, но и она, в конце концов, сама обстоятельствами жизни приведена к выводу, что могла бы жить, не изменяя человеческому достоинству, как это случилось с ней. Значит, и перед ней объективно имелась возможность выбора образа мыслей и действий.

Тут необходима оговорка. Активное отношение человека к миру является предметом изображения для искусства и в более ранние эпохи — в XVIII веке и даже задолго до этого. Говоря о рыцарской литературе, Гегель в «Лекциях по эстетике» замечает, что для рыцаря «...становится делом чести отстоять раз принятый им образ мысли и поведения». Как будто обнаруживается большое сходство между героем рыцарского романа и героем реалистического романа XIX века. Но оно — кажущееся. Рыцарь, оставаясь верным раз принятому им образу мыслей и поведения, берет его готовым из существующих в обществе норм. Герой реалистического произведения XIX столетия ничего не принимает на веру, он добывает свои убеждения усилиями своего ума и опытом собственной жизни. Между ними — огромное различие. Герой рыцарского романа не задумывается над вопросом о каких бы то ни было несовершенствах общественного устройства. Он действует по определенному стандарту, и в

его поступках не выражается его собственная сущность. По-прежнему обстоит дело с героем реалистического романа XIX века. Все мысли его, приобретенные собственным трудом и страданиями, раскрывают богатство и неповторимые черты его индивидуальности. Мысли эти касаются вопросов, имеющих важное значение для общества.

3. Реализм русской литературы XIX века обладает теми же общими признаками, которые свойственны и западноевропейскому реализму этой эпохи. Лучшим героем русского романа, начиная с Евгения Онегина и кончая героями Толстого и Достоевского, свойственно страстное стремление найти общую идею, определить свое отношение к окружающему миру. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить толстовских героев — Оленюгу, Пьера Безухова, Андрея Болконского, Левина, Нехлюдова, а также Раскольникова из «Преступления и наказания» Достоевского. Произведения писателей революционно-демократического направления дают особый вариант русского героя, уже сознательно вступающего или вступающего на путь борьбы за интересы народа.

Русская литература, которой в не меньшей мере, чем западноевропейской, присущи новые черты реализма, вместе с тем в гораздо больших масштабах и в гораздо большей последовательностью возрождала, на новой исторической основе, былые художественные завоевания, утерянные к тому времени. Эпическое начало искусства, обусловленное изображением, с одной стороны, духовного богатства и красоты человеческой личности, а с другой — глубинных движений народной жизни, присутствует у всех великих реалистов XIX века. Есть оно, конечно, и у Бальзака, и у Стендаля, и у Диккенса. Однако в русском реализме это свойство проступает могущественнее и ярче. Лучшим герой русского романа становится циником и лицемером, от которых так часто не могут освободиться лучшие герои западноевропейского романа. Люсьен Шардон или Жюльен Сорель думают преимущественно о самих себе. Герои русских романов захвачены и мыслью о судьбах страны и народа. Поэтому они люди более высокого ума и более свободной души. В самом деле, разве можно в западноевропейской литературе найти героя, равного в этом отношении, например, Пьеру Безухову?

Таким образом, реализм XIX века как бы воссоединяет свойства реализма эпохи Возрождения и эпохи Просвещения. Но, разумеется, это не было механическим соединением. Да оно и невозможно. Речь идет о том, что реализм XIX века, опираясь на предшествующие завоевания реалистического искусства, обрел способность создавать произведения большой идейной глубины и ярко выраженных социальных устремлений (что было уже по силам реализму эпохи Просвещения) и в то же время отмеченные широким диапазоном живых человеческих чувств, страстей и переживаний (что является характерной чертой реализма эпохи Возрождения).

Оба свойства реализма XIX века нашли преломление и в западноевропейской, и в русской реалистической литературе. Но в каждой из них они выражены по-своему. В русской литературе, несомненно, преобладает эпическое начало; западноевропейская литература отличается широтой непосредственного анализа социально-экономических отношений. Бальзака справедливо называли доктором социальных наук. Среди великих русских писателей нет такого, которому могло бы присвоить это имя. Но зато западноевропейская литература не достигла той силы изображения движений человеческого ума, души и сердца, которая присуща Толстому и Достоевскому.

Из этого вовсе не следует, что социально-экономические процессы не были предметом изображения в произведениях русских писателей или что западноевропейская литература не занималась психологическим анализом. Имеются в виду лишь специфические особенности западноевропейского и русского реализма. Когда, скажем, Маркс пишет о романе Бальзака «Крестьяне», то он подчеркивает прежде всего умение писателя показывать деловые, экономические отношения в деревне. Когда же Чернышевский анализирует повесть Толстого «Утро помещика», посвященную той же теме, что и роман Бальзака, он особо выделяет свойственное русскому писателю умение перенести в душу персонажа, то есть крестьянина.

Общность условий социально-исторической жизни определила общие черты западноевропейской и русской реалистической литературы; своеобразнее же исторический процесс в Западной Европе и в России обусловили различия между ними. Устанавливая закономерности развития реализма в XIX веке, мы должны помнить, что в каждой национальной литературе они имели особые оттенки. Без учета этих особенностей мы ничего не поймем в движении и развитии реалистического искусства. Здесь приходится ограничиться сопоставлением русского реализма с западноевропейским в целом, а вообще надо было бы говорить о реализме французском, английском и т. д. Впрочем, проливное сопоставление закономерно методологической точки зрения, поскольку

(Окончание на 4-й стр.)

Литературное обозрение

ЕГО ПЕСНЯ ЖИВА!

Пайрав Сулаймони
ИЗБРАННОЕ
Сталинабад
1957

Пришла республика, страдания соросица бремя, О, молодое племя, Твое настало время.

Перевод С. Линкина

Сердце велит поэту примкнуть к молодому племени, томимому в условиях феодализма в «тисках насилия» и верящему в грядущее. Из тенет торгашеского быта он стремится к новой жизни, пробужденной революцией в Бухаре. Он приветствует крушение эмирата, рисует картины провала бывших владык. Игучей ненавистью к хозяину дома — длиннобородому обладателю чалмы и дубовых (священной ткани) — и глубоким сочувствием к беззащитной девушке-таджичке продиктовано стихотворение «Рабья». За надежной стеной собственного дома этот обладатель чалмы — «свиноподобие с ангельской приторной речью» — дино бесчинствовал, и казалось, что нет на земле силы, которая могла бы противодействовать такому деспоту. Тогда поэт проникновенно сострадалем и девушке, бросил гневные слова богу, отделенному от людей «вечной бездной»:

О, праведный шахиншах!
Где намь защита?
Где мироздание в прах
Будь ты разбито!

Перевод А. Адалис

Здесь мироздание мыслится, как обитание богов. Но в стихотворении «Свободен человек Востока» уже звучат другие ноты. От бога ждать помощи бесполезно. Поэт обращается к женщине: «Покорность — вот твой вина!» Но это не обвинение, а призыв к борьбе:

Приснись заклятыя вопреки
Сными: «Личь многоголовой гнет!»
Одно движение руки,
Взмах головой —
Тюрма падет!

Перевод А. Адалис

Поезд Пайрава Сулаймони в Иран и Афганистан еще везе обновили перед ним противоречия мира, где бедность соседствует с роскошью, тиски подневольного труда — с прадросточной свободой и богатством. Всплывшие дымом, поэт пишет стихи, раскрывающие жизнь старого общества, стихи, проникнутые верой в пробуждение народов Востока. Он противопоставляет советскую Родину и ее идеалы делам колонизаторов всех стран:

Мы идем в поход за волю твою
О, Китай, и о, Индостан!
А для них Индостан и Китай жуны,
Как для плота жирный баран.

К угнетенному брату обращены взволнованные строки:

Посмотри, где добро, посмотри, где зло,
Из боронь, где ты, где я.

Поэзия Сулаймони обретает высокое гражданское звучание, интернациональные мотивы, общительный пафос: «Я знаю тебя, Британия, / Наших кровных братьев невзгоды — / дело твоих рук, / дело твоих рук». Сборник Пайрава Сулаймони — одного из значительнейших таджикской советской поэзии — на русском языке издается впервые. Стихотворения, включенные в него, отражают основные этапы его творчества. В начале своего литературного пути Пайрав Сулаймони был приверженцем узколичных мотивов, находился в плену старых классических образов. Во второй половине двадцатых годов и в тридцатые годы он обращается к социалистической тематике, ищет новые приемы и формы построения стиха и образов, соответствующие новому содержанию. Поэт постоянно творчески поисков и подлинного творческого горения, он всем своим существом — с революцией, и доверие революции для него высшая награда:

О, друзья! — революции войны — мы / И доверья ее удостоены мы! / Революция нашей мы служим пером, / Все заботы ее мы на плечи берем.

Перевод В. Дернакина

Поэт живет верой в человека-труженика, хозяина своей судьбы. Об этом человеке он с гордостью говорит: «Не ты ли, как бог, заново землю создал...» И мы благодарны поэту, отдавшему сердце революции. Он — ее солдат, и мы согласны с его словами: «Молчанье — это смерть, но в песне я буду жить». Его песня жива, а значит, жив и сам поэт.

Сергей СМЕРНОВ

ПОЭЗИЯ — В ЖИЗНИ

Габар Мирзова
АСРОР
Сталинабад
1957

Тематика у таджикского поэта Габара Мирзова обычно связана с легендами, преданиями. В его стихах оживают сказания народа, вознесенные природой и историей на одно из высочайших на земле плоскогорий. Оно зовется «крышей мира». Сегодня это название для таджиков имеет и другой смысл: социальный. Они, как и все народы Советского Союза, видят окружающее с самой высокой точки современности — с позиций победившего социализма.

И творчество Мирзова, на первый взгляд традиционно-легендарное и образно-символическое, в конечном счете современно.

В одном из стихотворений поэт рисует титаническую борьбу четырех чинар с обломком обрушившейся скалы: чинары «гнутся... как люди, напрягая спины». В чем же спасение их? Они «ждут появления пятого старшего брата». Это мудрость народа, которому всегда чужды индивидуализм, идеи разобщенности. Это и голос новой жизни советской, когда люди с детства онучают себя как часть коллектива. У каждого есть своя звезда, говорится в другом стихотворении, но она ярко разгорается у тех, кто жил с людьми и для людей, и едва заметна у того, кто лишь для себя прожил свой век.

В примечательном стихотворении «Благодарность» герой низко кланяется всем, кто был ему «читом» и «в жизнь открыл мне двери»: родине своей, ее природе, матери своей и обществу, которое рано заменило ему мать. Таким же слогом благодарности родине являются и патристические легенды Мирзова «Гора на камней», «Водопад Вос», «Могла завоевателя», «Сорок девушек».

Стихи, хорошо переведенные С. Линкиным, В. Дернакиным, А. Ойлендером, дают цельное представление о своеобразии поэта, Мирзова — романтик, предостерегающий крупный образ, сильный жест, выразительное уподобление. «Из сердца родника богатырского утеса струится розничная вода», — говорит Мирзова. И это показательно для его стиля и пафоса: шероховатую поверхность родная земля сынов своих, чтоб и они росли богатырями. Идея шероховатости тела владеет, как мы видели, поэтом, диктует обращение к сильным, динамическим образам. Конечно, многое здесь идет от традиционного восточного стиха, но есть и реалистическое «снижение», переход к деталям многоپردки:

В России медленно сменяются просторы,
Сосидность в этом есть, порядок есть,
А по у нас в Таджикистане, горы
Друг другу на спину стремятся есть.

Такая бытовая черточка, разговорное начало дают представление как бы о другом Мирзова — авторе большой поэмы «Асрор». Здесь у поэта не все еще устремилось к цели, не все слилось в один поток, но Мирзова прямо пошел на сближение с простой реальностью жизни. По материалу, по способу повествования «Асрор» резко выделяется своей реалистичностью, множеством деталей быта, детства, пединститута, уклада таджикской семьи среднего достатка. О формировании детского характера говорится, скажем, в образе пластическом, но уже чуждом романтическим уподоблениям. Воспитатель сражен с стекломоду:

Они — непереносимое гуд —
И вот / Стило испорчено, согнулось,
покривилось...

Правда, реалистичность Мирзова часто понимает узко: как господство бытовых деталей, прозы жизни. Он попадает в плен фактов. И как он ни дует, стекло выходит с пазырыками, то тут, то там «революционное... натурализм. Случайно, случайно, что даже в прозе опускается в повествовании, в «Асроре» занимает десятки строк. Вот один пример, звучащий неуклюже до смешного: — Да, организм большого истоцики / Неодоимым длительным, / Но все же — / Опасности не выношу... / Тут бульон / Верней лекарства всякого поманет.

Тут перед нами зарифмованная проза, не более.

Переводчику В. Бугаевскому досталась труднейшая задача. Есть просчеты и у него (и немало их), но главное препятствие для перевода составила разнотипность подлинника. Целые периоды

условно-романтического аксессуара (в том числе прием загадочного появления героя, секрет судьбы, которого сохраняется до середины поэмы) сменяются натуралистическими описаниями быта, мельчайшими действиями. Реализм — это только правда деталей, но и правда чувства. А у Мирзова юноши-студенты театральные кланются в дружбе, горько плачут и «ласкаются» к воспитателям. Сентиментальность эта не от жизни.

И все-таки при всей наивности и разности «Асрора», очевидно, именно на этом пути — пути поиска правды современной жизни, правды современных форм искусства — будущее Мирзова как поэта. В смелости, с какой поэт шагнул от поэтичного, но традиционного решения темы природы, любви, дружбы, патристичности к реалистическому освещению жизни, есть свой резон, своя большая правда. За чими — будущее.

Владимир ОГНЕВ

НЕТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ

Пулт Толис
ПЕРВОЕ
ИСПЫТАНИЕ
«Молодая гвардия»
Москва

Нельзя писать о том, что знаешь только понаслышке, чего не можешь обогатить собственными жизненными наблюдениями и познаниями.

Пулт Толис — молодой таджикский прозаик. Он родился накануне первой пятилетки и, конечно, не видел и не знает дореволюционной жизни. Со слов старого таджика-революционера он написал рассказ «Первое испытание».

Все в этом рассказе недостоверно. И то, за что жандармы арестовали героя рассказа Усманова в конце империалистической войны; и то, что посадили его в одиночку, а потом офицер-следователь стал на допросе пытаться избивать шомполом арестованного; и то, что перед избиением откровенно рассказал Усманову, как стал доносчиком-шпионом некий Эгамберди и как за это «наш полковник дал ему рекомендацию» в сотники.

Онаывается, жандармский офицер, ничего не сумевший раскрыть революционерами, кто у жандармов в секретных агентах.

Пулт Толис слышал о том, что когда-то существовало Третье отделение. Не разобравшись, он пишет: — «Итак, Усманов... Скажи-ка ты мне, голубчик, — допрашивает арестованного все тот же жандармский офицер, — как ты сам считаешь, что принудило Третье отделение на такую крайнюю меру, как арест твоей священной особы?»

Онаывается, автор не знает, что Третье отделение было ликвидировано еще в 1880 году. Не знает этого, увы, переводчик Е. Босняцкий и редактор Г. Ершов. Иначе бы они просто-напросто порекомендовали автору: один — не переводить этот рассказ, другой — не включать его в сборник.

По-другому дело обстоит там, где Пулт Толис строит рассказы на близком, знакомом материале.

Корреспондент газеты идет ночью с полупустым в селение. Помолочек Абдусалом рассказывает о зеньевой Амине... Так начинается рассказ «Ночной разговор» (перевод Н. Кладов). Неадекватно, слово за словом, раскрываются образ девушки-таджички, душа самого рассказчика. Тепло и интересно нарисовано, как Амине и Абдусалом работают, соревнуются, помогают друг другу. Не удивительно, что Абдусалом оказывается влюбленным в Амину, она заставляет его преодолеть растерянность, упадок сил после гибели посевов. Звеньевые продолжают соревнование и добиваются успеха.

Удачны и рассказы «Квартирант» (перевод Ю. Смирнова), «Дочь» (перевод И. Левшиной). В них Пулт Толис проявляет себя хорошим наблюдателем, умеющим не только подметить, но и просто, безыскусно передать увиденное.

Но вот рассказ «Бахор» (перевод Л. Успенской) надуман и неестествен.

Молодая женщина, выйдя замуж и переехав в другой город, становится обладательницей большой квартиры, ничего не делая целыми днями. Она оказывается, ее муж просто упустил из виду, что Бахор будет скучно без работы, и не устроит ее на производство. Вместо того, чтобы определенно и откровенно объяснить, «Навуру... еще больше задумался», Бахор тоже не говорит ему ничего и «мучительно о чем-то думает». Потом «Бахор вступил в разговор, взглянула на мужа и опять опустила голову». А на следующей странице «Навуру вступил в разговор, перевел взгляд на жену, опять на часы». Когда он ушел на работу, Бахор «хотела крикнуть ему что-нибудь хорошее, ласковое, но другая мысль, та, которая давно ее мучила, взяла верх». Так они продолжают играть в задумчивость на протяжении четырнадцати страниц, пока наконец все разъясняется и Навуру берет жену с собой на завод.

Серьезная тема, как видим, разработана совершенно безжизненно, деревянно. А о переводе лучше всего говорят приведенные примеры.

Семь рассказов... Половина из них художественно слаба. Думается, не следовало называть сборник в таком виде. Нетребовательность к молодому, и судя по лучшим рассказам сборника, одаренному автору — это, по сути дела, незаинтересованность в его творческой судьбе.

Дмитрий ОСИН

«Большинство его стихотворений вращается в узком кругу личных настроений» (не «личных», так чьих же?), или где подчеркивается, что «простота» в корне противоречит «так называемой поэтичности».

Созданный на базе альманаха «Подъем» сделав решительный шаг вперед. Расширил авторский коллектив и обсудил важнейшие вопросы стали привлекать читатели. Первая книжка хорошо выглядела внешне — она иллюстрирована, умело сверстана. Журналу хочется многого пожелать, особенно если иметь в виду упущения и промахи первого номера. Скажем о главном: редколлегия должна более требовательно подходить к отбору произведений, особенно когда это касается художественной прозы, улучшить редактору, кропотливо работать с авторами. Надо ожидать, что журнал от номера к номеру будет идти в гору. Это предпринято уже самим его названием — «Подъем»!

Вас. ЛИТВИНОВ

А. РАСКИН

Литературные пародии

ДЕМИСЕЗОН

В. ЛУГОВСКОЙ

«Нет, та, которую я знал, не существует. Она живет в высотном доме, с добрым мужем». «Слышишь — гуси летят...» «Поют, поют, весь день поют щеглы» (В. Луговской).

Маленький друг мой, заведи шелкопряд. Зелень лиловая прет из земли... Слышишь? Летят Журавли летят. Летят, летят Журавли, журавли. Что же ты задумался обо мне? Слышишь? Назарид загрустелили усли. В страшной, лиловой, большой глубине Ласточкой первой летит не гусь ли? Нет, это утка. Прилет, мерлет, Препарадедовский, хищный, весенний... Бьются сазаны, как рыба об лед... Тенью, цветенью, Рис. И. ГИНА

Смятенье, смятенье... Зинья полонь, совиный час, Полдень шюля, медвежи свадьбы... Не существует она сейчас, Та, что любила была подчас, В доме высотном живет как раз С мужем, которого век не видать бы. О, как любила она меня! Яростно, дино, безбрежно и грозно... Не было дома и ночи, и дня, Холод и злод, и дым без озья... Морю взаимности... ветер... поздно... Зяблук поет, подпевают жуки, Маленькие наливается почки... Все каблукы, каблукы, каблукы... Ночи мои, перекосные почки... В пешем строю и верхом, верхом. Пили куряныи мое здоровье, Слушай команду! Вези-веди сти-ком! Дайте коня! Поимайте мне брови! Кот-дупляк, инкарпанный зверь, Вновь дефилирует мимо столовой... Ветер. И море врывается в дверь. Вот оно счастье, в обложке лиловой!

БОМБА

Стихи 14-летней девочки Л. Л., напечатанные в американской воскресной рабочей газете «Уоркер», издающейся в Нью-Йорке.

Перевод С. МАРШАКА

Page 6 THE WORKER SUNDAY

Dear Editor

LETTERS FROM READERS

A LITTLE GIRL ON THE BOMB

Dear Editor: I am a young girl of 14. I know very little about the world but I know about the bomb and what it can do. I enclose a poem entitled 'The Bomb':

The sun above and warmed the earth
The moon above and warmed the darkness
But one day it was still
Then came a flash, red, black, with white streaks
Then there was nothing
No sun, no moon, no people, no animals, no trees
No flowers, no busy cars
There was nothing
It was the bomb, the bomb, the bomb, the atom the H
The bomb
Why? How? Who did it?
The leaders told the fish, who told the executives
who told the manager who told the workers
To make the bomb
The leaders and rich told the politicians who told the
workers: make the bomb to protect you and kill you
And now there is nothing, no world, no people, plants,
animals or posy cats

—L—

Сергей МИХАЛКОВ

Ответ американской девочке

Девочка бонса бомбы
Атомной и водородной,
Что однажды эта бомба
с самолета упадет —
Уничтожит что угодно,
И разрушит что угодно,
И с лица земли бесследно
Все хорошее сметет...

Много страшного на свете!
Ну, хотя бы бомбы эти...
Но сильнее этой бомбы —
Дети! Дети! Дети!
Все на свете дети могут,
Если только захотят.
Если дружно соберутся,
Крепко за руки возьмутся —
Самолеты с черной бомбой
никуда не полетят!

Антология советской поэзии

ПОЭЗИИ

Пражское издательство «Свет Совету» выпустило недавно двухтомную антологию «Поэзия Советской России». Первый том сборника включает стихотворения старшего поколения советских поэтов. Читатель подробно знакомится здесь с творчеством В. Маяковского, Д. Бедного, С. Есенина, Э. Багрицкого, Н. Тихонова, Н. Асеева, И. Сельвинского, П. Антокольского и других авторов. В творчестве этих поэтов, пишет в газете «Руде право» известный чешский поэт Илья Барт, «отражена картина и ритм великого революционного преобразования России».

Среди стихотворений, вошедших во второй том, — произведения А. Суркова, А. Твардовского, М. Исаковского, С. Шипачева, К. Симонова и других. Отметив, что выход Антологии в чешской Советской России является событием в чешской литературе, Илья Барт видит значение антологии в том, что она «даст ответ на вопрос, каковы отношения между жизнью и поэзией, между человеческим сердцем, инстинктивным миром чувств человека и большими событиями... эпохи, участниками которых мы являемся». Автор статьи говорит об антологии, как об «актуальном факторе», влияющем на развитие современной чешской поэзии.

КОМЕДИЯ В КАРАКАСЕ

Насильная пропаганда американского образа жизни в странах Латинской Америки, стремление наводнить книжный рынок этих государств продукцией североамериканских издательств — все это на языке госдепартамента США называется культурным сотрудничеством. Один из последних примеров этого «сотрудничества» — состоявшийся недавно в Каракасе (Венесуэла) «Фестиваль американской книги», на котором, как предполагалось, будет выставлена продукция издательств различных американских стран. Официальным инициатором фестиваля выступила Организация американских государств. Дело не обошлось, разумеется, без активного участия в этом госдепартамента США.

Организаторы фестиваля сделали все для того, чтобы на его стендах не нашлось места для прогрессивной литературы. Они не разрешили выставить книгу прогрессивного венесуэльского поэта Андреса Элоа Бланко, книгу венесуэльского писателя Роуло Гальгоса «Одна позиция в жизни». Аналогичная судьба постигла и работу Хуана Хосе Аравало «Гватемала, демократия и империя», которая осуждает хозяйничанье американских монополистов в Гватемале, кни-

гу Ранделла «Венесуэла — оккупированная страна» и многие другие произведения, правдиво освещающие действительные трудности жизни народов в странах Латинской Америки. Желая хоть как-то скрасить односторонний характер литературы, представленной на фестивале, его организаторы пытались затеять «дискуссию» о выставленных книгах, предвзято так ограничив рамки дискуссии, чтобы она не касалась злободневных вопросов жизни латиноамериканских государств. Заранее подготовленные ораторы славословили панамериканизм, старательно обходя все острые углы.

Выражая мнение общественности Венесуэлы, газета «Эль Сол» называет фестиваль американской книги издательством над культурой и интеллигенцией Латинской Америки, «комедией, разыгранная Организацией американских государств», — пишет газета, — началась как фестиваль... и закончилась как самое неоспоримое доказательство того, что не могут существовать рядом меч и культура».

Портрет выдающегося чилийского поэта Пабло Неруды работы итальянского художника и писателя Карло Леви.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

«За и против»

«За и против» — так называется сборник литературно-критических статей видного словацкого критика Александра Матушки, главному редактору журнала «Словацкие погляды», издаваемого в Праге. В нем вошли некоторые из исследований, написанных автором за последние двадцать лет. Александр Матушка уже много лет плодотворно работает в словацкой критике, он автор ряда книг о прошлом словацкой литературы: «Штурция», «Профиль», «Новые профили», «Невысказанные лагуны». Новый сборник критики содержит как работы по классической литературе его страны, так и статьи о творчестве современных писателей — В. Милалика, П. Каравица, Д. Татарки и других. Ежедневный словацкий писатель публикует статью, которая содержит обстоятельный анализ работ, вошедших в сборник. Статьи заканчиваются словами: «Творчество Александра Матушки... представляет собой одну из наиболее значительных глав словацкой литературной критики».

Антивоенный роман

Потсдамское издательство «Роттен унд Леннин» выпустило в свет роман известного западногерманского писателя Генриха Белля «Где ты был, Адам?». Читатель знакомится в книге с историей немецкого солдата Фейхальса — участника второй мировой войны. В Венгрии Фейхальс получает ранение, долгое время находится в госпитале, затем снова возвращается в свою часть. В последние дни войны он дезертирует и тайком возвращается в отчий дом. Но здесь его настигает снаряд, один из самых последних, выпущенных в прошедшую войну, снаряд из немецкого оружия. Эпиграфом к своей книге Белль избрал слова из дневника немецкого католического писателя Теодора Хэккера, написанные им в 1940 году и раскрывающие смысл названия книги: «Мировая катастрофа может кое-кому сослужить службу. Даже для того, чтобы заслужить алиби у бога. «Где ты был, Адам? — Я участвовал в мировой войне», Белль не согласен с этим, он резко выступает против войны. «Несомненно, есть более острые книги, направленные против войны», — пишет берлинский демократический журнал «Зонит», — в которых обвинения и приговор выражены более ярко. Но своим призывом к совести, к гуманным стремлениям и эта книга, подводящая итоги недавнего прошлого, выступает перед большей угрозой моральному упадку и физическому существованию человека».

Юбилей книги

Полвека назад в столичном издательстве «Нордстедт» вышла новая книга для чтения, предназначенная для шведских народных школ. Автор этой книги — учительница Сельма Лагерфельд.

За полвека это произведение классика шведской литературы Сельмы Лагерфельд завоевало широкую известность под названием «Чудесное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции». Популярная детская книжка, содержащая картины народной жизни и шведской природы, была уже на другой год после появления в Швеции переведена на русский язык. Книга вошла в сокровищницу мировой литературы и переведена на многие языки.

КОРОТКО

«НОВАЯ ПОЭМА» имени Марии Чехословацкой писательницы Марии Пуймановой посвящена жизни и деятельности выдающегося французского философа Жюльена Гюльмана. В работе над фильмом участвует дочь писателя Эрика Манна. «АНИА» — так называется последний сборник стихов выдающегося польского поэта Владислава Броневского, выпущенный Государственным издательским институтом в Варшаве. «ЛОНДСКИМ» издательством в Лондоне выпущена антология английской поэзии, охватывающая творчество поэтов с XVI по XVIII вв. «КАЛИФОРНИЙСКИМ» университетом США выпущен в свет сборник научных исследований, посвященный мировому значению творчества выдающегося польского поэта Адама Мицкевича. Книга называется «Адам Мицкевич в мировой литературе». В работе над материалами сборника приняли участие ученые различных стран.

Фильм, оскорбляющий достоинство иранцев

Иранская печать в самых резких выражениях протестует против показа в театрах кинотеатрах голливудского фильма «Сын Синдаба и Омар Хайям». Как пишет журнал «Омиде Иран», постановщики фильма «опирают все устои морали, культуры и смешивают с грязью людей, которым обязана мировая цивилизация». Омар Хайям, один из самых достойных знаменосцев мировой культуры, — продолжает «Омиде Иран», — представлен в недостойном виде и подвергнут оскорблению». Журнал, выражая возмущение по поводу разращения показа фильма, требует немедленного снятия его с экранов. Газета «Кейхан», также возмущаясь картиной «Сын Синдаба и Омар Хайям», пишет, что ее авторы возмущают себя «абсолютно торжественно не только искусством, но и национальной гордостью древнего иранского народа».

Новая пьеса О'Нейла

В Соединенных Штатах найдена неизвестная ранее драма американского драматурга Юджина О'Нейла (1888—1953) «Более величественные поместья». Это четвертая пьеса большого цикла из девяти произведений, работе над которыми О'Нейл посвятил многие годы своей жизни. Центральная тема цикла — отрицательное, разлагающее влияние собственности на душу человека. Большой писатель, чувств, что ему не удастся завершить свой труд, перед смертью сжег шесть пьес.

До сих пор считалось, что из этого цикла сохранилась лишь одна драма, «Мать», как пишет американский журнал «Ньюсик», директор шведского Королевского драматического театра Карл Рагнар Гиров приехал в Соединенные Штаты и с помощью вдовы писателя обнаружил рукопись еще одной пьесы драматурга — «Более величественные поместья». Шведский театр надеется поставить эту драму О'Нейла в будущем году.

В Брно (Чехословакия) в Доме искусств состоялась выставка работ известного чехословацкого карикатуриста Вилема Рейхмана. Выставка называется «Карикатуры на темы культуры». Чехословацкий еженедельник «Культура» сообщает об успехе, которым пользуются карикатуры талантливого художника. Мы воспроизводим одну из карикатур В. Рейхмана.

Палач на свободе

КОГДА двенадцать лет назад, 11 апреля 1945 года, узники гитлеровского концлагеря Бухенвальд проваляли ключочку проволоки и вышли на свободу, они не сомневались, что рука правосудия достойно покажет их палачу и мучителю... Эсэсовцы из охраны лагеря составили между собой в жестокой, но не из них, вероятно, не превзошел в зверстве начальника карьера гауптшарфюрера СС Гергарда Мартина Зоммера. Он лично, своими руками убил 187 человек. Он забивал до смерти, вприпрыжку яды, привязывал к горячим печам. Иногда он заводил жертву к себе в комнату, душил, закатывал труп под собственную кровать и сладко засыпал. Прозванный «садистом в черных перчатках», он наводил ужас на узников лагеря смерти. При участии Зоммера было уничтожено 7.000 советских военнопленных.

И вот прошли годы. Чудовищно, но факт — Зоммер на свободе! Он живет в Западной Германии. Несмотря на свои изрядно выходящие палаческие заслуги, Зоммер недосажает для «демократической» западногерманской юстиции, которая проявляет такие чудеса оперативности, когда речь идет о запрещении компартии и преследовании борцов за мирную, демократическую и единую Германию.

Судьба палача сложилась так. Когда под самый конец войны издыхающая гитлеровская империя испытывала отчаянную нужду в солдатах, Зоммера отправили на фронт, где он потерял ногу и получил другие ранения. Как сообщается в своем комментарии под заголовком «Хорошие времена для нацистских убийц» берлинский журнал «Вельтбюне», Зоммер благополучно существовал после войны под заботливым попечением врачей госпиталя Поссепоффен, расположенного на живописном берегу Штарнбергского озера.

Вскоре местопребывание палача Бухенвальда стало широко известно. Негодование, охватившее общественность, было так велико, что бамбергская прокуратура вынуждена была возбудить против Зоммера уголовное преследование. Его перевели в большую тюрьму св. Георга в Байрейте. Множество свидетелей добровольно изъявило готовность дать показания против фашистского убийцы. При самом приличном юридическом крохотворстве и стражайшей проверке свидетельских показаний налицо были доказательства

Вот они, дела колонизаторов! Этот мирный житель Алжира шел на базар. Для солдат колонизаторов он был удобной мишенью. Очередь из автоматов — и все кончено... (Снимок с верха).

Вот они, дела колонизаторов!

Первая жена Зоммера, узнав о его подвигах в Бухенвальде, разошлась с палачом. Но женился на цветущей 22-летней медсестре Берль, не страдающей излишним шепелявством. «Неизлечимо больной» палач, вместо того чтобы болтаться на виселице, благодаря безмерному милосердию бонской юстиции чувствует себя неуязвимым. Назначение Шпейделя, безусловно, вселило в него радужные надежды на то, что еще могут пригодиться старые навыки профессионального душегуба. «Потомство не сплетет венков немецкому судье» — в порыве саморекламной меланхолии признал однажды президент федерального Верховного суда в Карлсруэ-д-р Герман Вейнкауф. Если говорить о западногерманской юстиции, то с этим нельзя не согласиться. Не сплетет...

В. СЕРОВ

КОЛОНИЗАТОРЫ

Колонизаторы солгали. У Туфик Бен Семманты тысячи сообщений. Несмотря на террор, они продолжают мужественно бороться за свободу и независимость родной страны. Снимки из французского еженедельника «Ви увриер» и газеты «Юманите».

Развитие реализма

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

русский исторический процесс существенным образом отличается от исторического процесса в западноевропейских странах, гораздо раньше России вступивших на путь буржуазного развития.

Во второй половине XIX столетия положение в русской литературе существенно меняется. И в ней значительно усиливается анализ экономических отношений. Назову здесь Шелерина и Глеба Успенского, которые в своих произведениях давали чрезвычайно подробную характеристику экономического состояния русского общества. Тем не менее, говоря о Шелерине, Ленин всегда особо указывал на его заслуги в обрисовке социально-психологических и социально-политических типов.

Большие успехи русской литературы во второй половине прошлого столетия объясняются, конечно, наличием в ней более глубокого и более могущественного эпического элемента. Литература не только обрисовывает с народом, проникает в его подлинный интерес и духовные запросы. Так перед нею, в конце концов, возникла тема народной революции.

В западноевропейской литературе, необычайно сильной анализом социально-экономических отношений, по мере роста и углубления противоречий между буржуазией и пролетариатом, ослаблялась это ее свойство. В этом отношении Флобер и Мопассан уже никак не могут сравниться с Бальзаком, так в некоторых других пунктах они пошли дальше его, в частности в изображении благородной человеческой души, стражающей и гибнущей под натиском грубой и ломающей все человеческое капиталистической действительности. Я не хочу этим сказать, что западноевропейский реализм во второй половине XIX столетия изменил свой характер и направление. Отнюдь нет. Да, Флобер и Мопассан не дают таких развернутых картин социально-экономической жизни, какие мы находим у Бальзака. Однако когда Флобер пишет о страданиях и гибели госпожи Бовари или Мопассан — о безысходности судьбы Жанны

расширяющихся ее вопросов. В разное время несоответствие между задачами, стоящими перед искусством, и состоянием последнего достигает различной степени. И в моменты крутых общественных поворотов совершаются повороты или перемены и в истории искусства.

Перелом в истории реализма падает на конец XIX и начало XX века. Наметьте сейчас с середины столетия отставание реалистического искусства на Западе с течением времени не ослабевало, а возрастало. Ставя Бальзака вместе с техниками и будущими Золя, Энгельс и указывал на это. Русский реализм этой эпохи находился в состоянии полного расцвета и бурного развития. И, однако, уже в 80-е годы Пелеханов отмечал, что некоторые важные задачи, вставшие перед русской литературой, не находят в ней освещения. Важнейшая из этих задач — изображение революционного движения, развивающегося под влиянием марксизма.

Чтобы решить эту задачу, необходимы были существенные изменения в самом реалистическом методе. На этот путь раньше вступила русская литература: с одной стороны, в силу характера общественного движения в России, указавшая задача и стояла перед ней особенно остро, а с другой — она сама была подготовлена для этого лучше и больше, чем любая другая литература мира.

Когда реализм обрел способность изображать сознательное движение масс в социалистической революции, а затем и к социализму, он вступил в новую фазу своего развития, а стал социалистическим реализмом. В последнее время в нашей печати появились утверждения, согласно которым реализм становится социалистическим в силу соединения его с социалистической идеологией. Неудовлетворительность этого определения очевидна. Конечно, художник, не усвоивший социалистических идей, не может прочно стоять на позициях социалистического реализма. Но яры ли будет ошибкой сказать, что в иных случаях он может вытесняться им. Такой художник, сочувствующий переделкам сил общества, окажется способным внести большой вклад в развитие искусства социалистического реализма. Но не в этом только несовершенство приведенного определения. Главное то, что оно лишает

метод нашего искусства эстетической ценности. Между тем совершенно ясно, что новый подход к человеку и к народу, чем и характеризуется социалистический реализм, оказывается возможным благодаря серьезным изменениям в самой структуре реалистического метода.

Каждая эпоха создает свой особый, самый важный для нее тип общественного, а на основе его — художественного мышления. Всякому подлинному искусству присущ глубокий драматизм, но всегда драматична судьба человеческая, являющаяся важнейшим объектом художественного изображения. Драматизм искусства критического реализма достигается, в частности, изображением поисков лучшими из героев смысла жизни, а также сознательных или подсознательных поисков путей к народу. В социалистическом реализме существующим образом меняется природа драматизма. Здесь выдвигается на видное место герой, нашедший правильный образ мыслей и действий. Драматизм социалистического реализма рожден преодолением препятствий, стоящих на пути воплощения найденных идеалов.

В отличие от своего предшественника герой социалистического реализма сблизился с народной массой, хотя это вовсе не означает, что во взаимоотношении с нею у него не может возникнуть никаких драматических коллизий. Двигаясь вместе с массой к высокой цели, он порою встречается и с такими тенденциями в ней, которые требуют большого напряжения для их преодоления. По крайней мере для определенных периодов истории это несомненно.

Павел Власов из романа Горького «Мать» сравнительно быстро нашел свой революционный путь и затем уверенно движется по нему. Давылов из романа Шолохова «Поднятая целина» в самом начале лан как сложившийся большевик. Но каким истинным и глубоким драматизмом насыщена жизнь того и другого!

раз человека, преобразованном участием в социалистическом революционном движении, впервые с исключительной художественной силой лад Горький в романе «Мать». Это — образ Пелагеи Нилыной. Мировое значение имеют достижения Шолохова в изображении простых людей. К их числу можно отнести Григория Мелехова и Акиньшу Астахову. Григория Мелехова отнюдь нельзя причислить к тем людям новой эпохи, которые нашли свой путь. Он разираем противоречиями, они делают его жизнь необычайно драматичной, даже трагичной. В этом смысле, казалось бы, он ближе к героям литературы критического реализма. В действительности же характер Григория, который с необычайной силой жаждет найти правду на земле, — явление новой эпохи, эпохи свершения и утверждения завоеваний социалистической революции. Роман Шолохова, поднимаящий драматизм и даже трагизм судьбы простого человека до масштабов всемирного значения, принадлежит к великим произведениям социалистического реализма.

Социалистический реализм возникает не по чьему-либо предписанию или постановлению, как полагают некоторые литераторы за рубежом. Он — закономерный ступень в развитии реалистического и вообще всего мирового искусства. Он возник в тот момент, когда реализм в своем прежнем виде не в состоянии был ответить на существующие запросы новой эпохи.

Социалистический реализм — искусство новой эпохи — художественно открыл созданные историей новые формы общественных и психологических конфликтов, новый характер драматизма исторических событий, хотя народной жизни, поведения и мысли видных общественных деятелей и рядовых людей. В результате этого открытия сам реалистический метод глубочайшим образом изменил свою внутреннюю структуру. Поэтому на социалистический реализм нельзя смотреть иначе, как только на новый этап в художественном развитии всего человечества, в истории мирового искусства.

Отсюда вовсе не вытекает та мысль, что

все художники, стоящие на позициях социалистического реализма, являются лучшими в мире. Никакой метод не заменит художественного таланта. Вполне естественно, что и в нашем искусстве, как и в любом другом, есть и больше, и меньше, и малые таланты. Важно только понять, что все они, если остаются верными своему призванию, выдвигают вперед наше искусство, представляющее крупнейшее завоевание человечества как со стороны идейной, так и художественной. Горький, несомненно, составляет первую эпоху в истории мировой литературы. Он был гением. Но к его гению вовсе не следует предъявлять требования, чтобы он превосходил художественный гений Шекспира или Тоскано.

Если метод не заменяет художнику таланта, то, с другой стороны, никакой талант и никакой гений не может безнаказанно для себя пренебречь требованиями эпохи. Условия, благодаря которым в начале XX столетия в русской литературе возник социалистический реализм, имели всеобщий, мировой характер, хотя в каждой стране они достигали лишь определенной степени развития. Вследствие этого реалистическое искусство во всем мире, в частности в западноевропейских странах, в своих лучших проявлениях начало тяготеть к тому пути, по которому оно пошло в России, начиная с Горького. Ромен Роллан — яркий тому пример. Не случаен тот факт, что из великих художников мира XX столетия наибольшее, можно сказать, не с чем не сравнимое влияние на мировое искусство оказал Горький. Современное очевидно, что в течение последних десятилетий происходит глубокая внутренняя перестройка во всем современном реалистическом искусстве.

Спор о реализме не даст результатов, если он будет оставаться оторванным от истории реализма. Понять, что такое реализм в современном искусстве, в частности манера его природа в советском искусстве, можно будет лишь тогда, когда мы этот вопрос поставим на историческую почву.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИЦ, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.